

И.Л. Бахтина, Э.Е. Протасова

ОТ ЛИКБЕЗА К ВСЕОБУЧУ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В статье рассматриваются вопросы ликвидации неграмотности взрослого населения в 1920-е гг. и осуществление программы всеобщего начального образования на Урале в начале 1930-х гг. Авторы поднимают вопрос о том, насколько было необходимо ускорение темпов ликбеза и всеобуча в условиях социально-экономической модернизации. Оцениваются результаты этих культурно-образовательных программ, сроки их проведения, а также объективные и субъективные факторы, тормозившие их осуществление. Используя региональные источники, авторы анализируют различные формы и методы привлечения негосударственных средств для реализации программ в 1920 – начале 1930-х гг. Несмотря на то, что основным было государственное финансирование этих программ, без средств областных бюджетов и населения реализовать столь глобальные правительственные программы было невозможно. В условиях советского режима любая правительственная программа навязывалась населению как «фронт». Поэтому при отсутствии материальных ресурсов, в том числе финансирования, программа обозначалась как «боевая задача», обязательная для населения. Ликвидация неграмотности и введение обязательного всеобуча в начале 1930-х гг., несмотря на перегибы и формализм, стали реальностью.

Ключевые слова: ликбез; всеобуч; ликвидация неграмотности; образовательные программы.

Сведения об авторах: Бахтина Ирина Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики обучения истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: bahtina@uspu.ru

Протасова Эльвира Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: protasova.elvira62@mail.ru

Irina L. Bakhtina, El'vira E. Protasova

FROM THE ELIMINATION OF ILLITERACY IN THE 1920S TO UNIVERSAL EDUCATION IN THE EARLY 1930S: MYTH OR REALITY?

The article deals with the elimination of adult illiteracy in the 1920s and the implementation of the universal primary education program in the Urals in the early 1930s. The authors raise the question of how necessary was the acceleration of the rate of elimination of illiteracy and universal education in the context of socio-economic modernization. The results of these cultural and educational programs, the

timing of their implementation, as well as the objective and subjective factors hindering their implementation are evaluated. Using regional sources, the authors analyze various forms and methods of attracting non-state funds for the implementation of programs in the 1920s and early 1930s. Despite the fact that the lead was the state funding of these programs, it was impossible to solve such global government programs without the funds of the regional budgets and the population. Under the Soviet regime, any government program was imposed on the population as a «front». Therefore, in the absence of material resources, financing was set as a «combat mission» mandatory for the population. The elimination of illiteracy and the introduction of compulsory universal education in the early 1930s, despite excesses and formalism, became a reality.

Keywords: elimination of illiteracy; universal education; literacy eradication; educational programs.

About the authors: Irina L. Bakhtina, Candidate of History, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

El'vira E. Protasova, Candidate of History, Associate Professor of the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Грандиозные проекты советской власти – ликвидация безграмотности взрослого населения и введение всеобщего обязательного начального обучения в России до сих пор вызывают оживленную дискуссию среди исследователей. Это две взаимозависимые программы, так как рецидив безграмотности взрослого населения напрямую зависит от отсутствия в стране закона об обязательном начальном образовании. «Мифы» вокруг этих программ формировались на протяжении длительного времени и связаны, прежде всего, с государственными материальными возможностями осуществления этих очень затратных проектов, сроков их осуществления и результатов.

Необходимость введения всеобщего обязательного начального образования осознавалась еще до революции 1917 г. и рассматривалась как одно из условий культурной и экономической модернизации общества. Вопрос обсуждался в российском обществе со второй половины XIX в. Уже тогда педагоги-новаторы и земские учителя, представители общественности обращали внимание правительства на отставание России в этом вопросе от стран Западной Европы. Однако бурный пореформенный период не создал необходимых материальных и психологических оснований для объединения власти и общества в принятии этой программы. В тот момент государство было не готово стать главным инструментом введения обязательного начального образования и ликвидации безграмотности в масштабах Российской империи. Препятствий на этом пути было множество: недостаточность материальных ресурсов, помещений для школ, квалифицированных учительских кадров, непонимание, особенно сельским населением, важности

обучения для своих детей и др. Введение всеобщего образования одновременно во всех губерниях вряд ли было бы возможным из-за размеров страны. Уже тогда предполагалось использовать для этих целей не только государственное финансирование, но и привлечение внебюджетных источников, в том числе со стороны земств.

Следующим этапом в попытках объединить усилия общества и государства в решении вопроса о введении закона о всеобщем образовании часто называют 1908 г. Собственно, так формируется первый «миф» о том, что начальный всеобщий закон уже с 1908 г. становится обязательным. Эти выводы появились, в значительной степени, благодаря публикации эмигранта Б.Л. Бразоля «Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах (1894-1917 гг.)» [Бразоль 1958]. Статья была написана в 1958 г. к 40-летию трагической гибели Николая II и его семьи. Б.Л. Бразоль приводит данные о том, что при Николае II за 20 лет правления кредиты на народное образование увеличились с 25,2 млн руб. до 161,2 млн руб., а количество учащихся в низших учебных заведениях (кроме Средней Азии) возросло на 96% (в 1894 г. – 3.275.362, а в 1914 г. – 6.416.247 человек) [Там же]. Бразоль пишет, что первоначальное образование обязательным становится уже с 1908 г. Накануне Первой мировой войны (в 1913 г.) в России было более 130.000 школ [Там же]. Он привел данные анкетирования, осуществленного уже в годы советской власти в 1920 г., по которым 86 % советской молодежи от 12 до 16 лет были грамотными, т.е. получили начальное образование до 1917 г. [Там же].

Действительно, такой законопроект был внесен в III Государственную Думу 1 ноября 1907 г. 8 января 1908 г. передан на предварительное рассмотрение в комиссию по народному образованию [О введении всеобщего начального обучения в Российской империи]. Обсуждение было долгим. Сложилось мнение, что реформа образования может быть постепенной, материально затратной, а ассигнования на ее реализацию должны постоянно увеличиваться. В Государственной Думе обсуждение доклада по этому вопросу имело место 21 мая 1912 г. Но реформа не состоялась. Государственный Совет 6 июня 1912 г. законопроект отклонил. Таким образом, в начале XX в. программа введения всеобщего обязательного начального образования в Российской империи не была реализована, осталась «мифом» и была унаследована от царского правительства советским.

Следующие «мифы» о всеобщем образовании стали формироваться уже в советской историографии:

– «миф» второй заключается в том, что в 1920-е гг. в условиях новой экономической политики большую часть расходов на образование и просвещение несло государство, а не общество;

– третий «миф» был сформирован вокруг программы всеобщего образования, развернувшейся в начале 1930-х гг. Историки советского периода счи-

тают, что ее осуществление стало возможным благодаря тому, что успехи хозяйственного развития к концу 1920-х гг. были настолько велики, что создали все необходимые материальные, финансовые условия для полной ликвидации безграмотности взрослого населения России и осуществления всеобуча;

– четвертый «миф» связан с оценкой результатов всеобуча в первой половине 1930-х гг., т.е. практически 100% охватом детей от 8-11 лет начальным обучением.

Интересны размышления и выводы уральских советских и современных историков для понимания этих вопросов. Ликвидация неграмотности и введение всеобщего обязательного начального образования рассматривались советскими уральскими историками В. Г. Чуфаровым, П. В. Гришановым, С. М. Волковым и др. [Чуфаров 1970; Гришанов 1982, 1987; Волков 1986]. Свои выводы они подтверждали статистическими данными. В этих исследованиях в центре внимания находилась деятельность партийных органов по руководству народным образованием и ликвидации безграмотности взрослого населения, а введение всеобуча рассматривалось как главный результат «культурной революции».

Культурным преобразованиям на Южном Урале в 1930-е гг. посвящена монография челябинского историка С. С. Загребина [Загребин 1994]. Вопросам ликвидации неграмотности взрослого населения в уральской деревне большое внимание уделил М. В. Попов [Попов 1997]. В отличие от исследователей «школы В. Г. Чуфарова», Попов не считает возможным говорить о завершении ликвидации массовой неграмотности уральского населения даже к концу 1930-х гг., в первую очередь на селе.

В современный период вопросы ликбеза и всеобуча вновь оказались актуальными, так как были открыты для изучения новые документы. Нельзя не отметить работу американского ученого Т. Е. Юинга «Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы в 1930-е гг. [Юинг 2011]. Автор широко привлекает региональные источники, в том числе уральские, и считает, что всеобщее обучение являлось обязательным условием экономического развития. Он отмечает, что и западные исследователи считают всеобщее обучение одной из самых успешных составляющих «обновления» советского общества, несмотря на «социальную неполноту и политиканство» [Там же].

Изучение вопросов образования в 1920-1930 гг. продолжается и сегодня на региональном уровне. Это работы современных историков И. В. Фролова и А. М. Володина, в которых раскрывается становление всеобщего начального образования сельских школьников в 1917-1934 гг. [Фролов, Володин 2014]. Уральские историки М. В. Попов и И. Л. Бахтина анализируют вопросы финансирования уральских школ в 1920-е гг. [Бахтина, Попов 2019]. Вопросам всеобуча на Южном

Урале посвящено исследование В. В. Зилянева [Зилянев 2012]. В своей работе он делает вывод, что при всех «перегибах и провалах» задачи введения всеобщего обучения в целом на Южном Урале были решены к 1934/1935 гг. [Там же]. В работе М. В. Суворова и Э. Е. Протасовой поднимается проблема социальной и правовой незащищенности уральских учителей в условиях коллективизации и голода 1932-1933 гг. при решении задач всеобщего обучения [Суворов, Протасова 2019].

Как видим, несмотря на то, что степень изученности вопросов связанных с государственными программами ликвидации неграмотности среди взрослого населения и введения всеобщего начального обязательного образования на Урале достаточно высока, однако в силу неоднозначности оценок тема вызывает профессиональный интерес и в современное время.

Авторы статьи считают возможным дать свою оценку материальных возможностей государства для осуществления этих проектов в 1920-х – начале 1930-х гг. и степени участия населения в них, попытаются «развезть» сложившиеся в советской историографии «мифы». Хронологически содержание статьи охватывает период возобновления преобразований в области просвещения во время перехода к Новой экономической политике, прерванных Гражданской войной. Конечный рубеж – середина 1930-х гг. – связан с выходом из «голода» 1932-1933 гг., улучшением экономического положения в стране и на Урале, отказом от прямого использования средств населения в финансировании образовательных программ. Территориальные рамки статьи обозначены Уральским регионом, включавшем в 1920-1923 гг. современные территории Свердловской, Пермской, Челябинской областей, а с 1923 по 1934 г. – территорию Уральской области, когда в нее входили современные Свердловская, Челябинская, Курганская, Тюменская области Уральского федерального округа, а также частично территории Башкирской, Удмуртской республик и Пермского края.

«Положение о единой трудовой школе РСФСР» (сентябрь 1918 г.) и «Основные принципы единой трудовой школы РСФСР», опубликованные вместе с «Положением» 16 октября 1918 г., ввели демократический принцип единой школы, бесплатной и доступной независимо от социального, имущественного положения, национальности, и закрепили принцип преемственности между ступенями образования. Советское правительство объявило о готовности начать серьезные изменения в сфере просвещения. Но в условиях Гражданской войны осуществить декларируемые проекты было невозможно.

Сразу после окончания Гражданской войны в 1920-е гг. экономическое положение в стране было настолько сложным, что проблема выживания стояла на уровне каждого отдельного сельского населенного пункта. Дать образование детям за счет государства в тот момент по многим причинам руководство страны было не в состоянии.

Крестьянское хозяйство Урала и парцеллярное сельскохозяйственное производство в исследуемый период находилось, за исключением 1923-1926 гг., в состоянии перманентного кризиса, масштабы и глубина которого в 1921 и 1929 гг. получили наибольший размах. Реальные функции управления в тот момент принадлежали общине, а она не всегда поддерживала экономические мероприятия Советской власти. Свое отношение к школе община строила исходя из осознания того, насколько развитие образования на селе способствовало выполнению ее коренных задач. В частности, советский историк П. В. Гришанов признавал, что только в отдельных случаях финансирование школьного строительства за счет средств населения превышало бюджетные средства [Гришанов 1987: 38; Гришанов 1982: 8]. Другие историки отводили помощи со стороны населения гораздо большую роль [Волков 1986].

Дореволюционный опыт показывает, что земские школы наиболее продуктивно функционировали там, где сельские общества оказывали им не только моральную, но и материальную поддержку [Сафронова 2002]. Источники свидетельствуют, что в начале 1920-х гг. сельская школьная сеть на Урале превышала сеть начальных народных училищ до начала Первой мировой войны. Увеличение сети школ I ступени шло в первую очередь за счет сельской местности, где образовательные учреждения создавались чаще всего по инициативе и на средства населения. Процент прироста начальных школ был самым высоким по стране и области. Но к началу 1920-х гг. государственный бюджет оказался не в состоянии тащить воз под названием «система просвещения». Согласно постановлению СНК от 15 сентября 1921 г. финансирование школ стало осуществляться за счет местных средств, причем распределение расходов на содержание школ между губернскими, уездными и волостными исполнительными комитетами регулировалось законодательством о местных финансах. Как следует из отчетов Пермского Губисполкома, в Пермской губернии размер доли народного образования в местном бюджете достигал в 1922/23 учебном году 30% [ГАПК 1].

Результат данной политики не заставил себя долго ждать – сеть начальных общеобразовательных школ на Урале значительно сокращается. На территории, которая в 1923 г. вошла в Уральскую область, сеть начальных школ в 1922/23 учебном г. сократилась на 34%, а число учащихся на 42% по сравнению с 1921/22 уч. г. [Просвещение на Урале 1927; Социалистическое строительство на Урале за 15 лет 1932]. Это сокращение было более значительным, чем в целом по РСФСР, где соответственно количество учебных заведений уменьшилась на 29%, а число учащихся на 32% [Королёв, Корнейчик, Равкин 1961]. В этих условиях решающую роль для сохранения школьной сети в деревне должно было сыграть привлечение средств самого крестьянства за счет самообложения. Промышленных предприятий или иных учре-

ждений, способных взять школы на свой баланс или хотя бы оказывать им минимальную, но регулярную поддержку, в сельской местности практически не существовало. В этой связи возникает вопрос о месте и роли сельской общины в развитии сети общеобразовательных школ в уральской деревне.

Порядок установления местного натурального самообложения сельского населения для удовлетворения продовольственных нужд местных учреждений Наркомата просвещения был определен инструкцией, разработанной на основании постановления СНК от 18 сентября 1921 г. [ОГАЧО 3]. На основе разработанных инструкций инициативу самообложения на нужды школ на Урале проявили уездные отделы народного образования (далее – УОНО). Заведующие школами и руководители других структур составляли смету требующегося количества продовольствия для нужд просветительских учреждений (для содержания личного служебного состава, ремонта и пр.), и предоставляли такие сметы в Волисполком. Однако отношение крестьянства к этой кампании было неоднозначным. При отсутствии поддержки со стороны населения УОНО были вынуждены отказаться от проведения в жизнь декрета о самообложении в обязательном порядке до более благоприятного момента [ГАПК 3]. В то же время привлечение средств за счет самообложения было возможным только в сравнительно урожайных волостях, так как в других население бедствовало и само получало субсидии от Комиссии помощи голодающим. Так, из 56 волостей Екатеринбургского уезда в начале 1922 г. только 7 были переведены на самообложение [Уральский рабочий 1922]. Тем не менее, несмотря на неоднозначное отношение сельских обществ к самообложению как способу финансирования школьного строительства, оно сыграло решающую роль в поддержании школьной сети в условиях голода. В Челябинской губернии на средства от самообложения содержалась 831 школа I ступени из 11147 [ОГАЧО 1].

В условиях голода одним из вариантов решения проблемы сохранения школьной сети на селе считали прикрепление деревенских школ к сельским обществам. Кампания по заключению договоров развернулась осенью 1922 г. При анализе архивных материалов видно, что население без энтузиазма пошло навстречу школе в ее материальной поддержке. При этом, весьма неохотно соглашаясь на ассигнования средств на непосредственное содержание сотрудников школ, сельские общества легче соглашались на помощь школе в отношении мелкого ремонта, подвозки дров и прочего [ГАПК 2]. В целом, однако, заключение договоров сельскими сообществами о финансировании школ в первой половине 1920-х гг. следует оценивать положительно. Например, в Челябинской губернии с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. договорные начальные школы составляли 76% общего числа

школ, в них обучалось 60% учащихся; а школы II ступени – соответственно 33% и 42% [ОГАЧО 2].

Уральским историком В. Г. Чуфаровым осень 1923 г. расценивается как начало нового периода в развитии общеобразовательной школы на Урале, так как уже весной началась кампания по переводу договорных школ на местный бюджет, а к осени подавляющее их большинство уже находилось на содержании местных советов. Это, по мнению В. Г. Чуфарова, было прогрессивным явлением, способствовавшим дальнейшему плановому развитию школьной сети [Чуфаров 1970]. С формальной точки зрения нам трудно не согласиться с этим утверждением. Но были ли готовы местные бюджеты обеспечить школьную сеть хотя бы самым необходимым? Законодательная база крестьянского землепользования (Закон о трудовом землепользовании от 22 мая 1922 г. и Земельный кодекс РСФСР, утвержденный IV сессией ВЦИК 31 октября 1922 г.) также, к сожалению, не обеспечивала бесперебойного поступления налогов в местный и государственный бюджеты.

Дефицит школ, слабость их учебно-материальной базы была серьезным препятствием в решении задач начального всеобщего. Преодолеть эту трудность можно было, как считает П. В. Гришанов, только путем увеличения ассигнований на школьное образование [Гришанов 1982: 8]. В доказательство своей позиции он приводит динамику роста бюджетных ассигнований по государственному и областному бюджету на протяжении второй половины 1920-х гг. и делает вывод, что эта мера дала свои положительные результаты. Не будем спорить. Действительно, с созданием Уральской области и образованием здесь районов (вместо уездов) основную роль в финансировании сельских школ стали играть районные бюджеты. Однако в условиях доколхозной деревни, вплоть до конца 1920-х гг., активное участие крестьянской общины, инициатива самого сельского населения были непременными условиями пусть не очень успешного, но, тем не менее, поступательного развития школьной сети.

Привлечение средств сельского населения к финансированию школ имело место и во второй половине 1920-х гг. Однако с конца 1928 г. характер проведения самообложения в деревне изменился. 4 октября 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О порядке самообложения в 1928-1929 году», которое было весьма противоречиво. С одной стороны, обращалось внимание управленческих структур на недопустимость мер административного давления на население при его проведении. С другой стороны, для принятия самообложения требовалось присутствие не менее 50% общего числа жителей селения. Зажиточная часть населения деревни, как правило, оказывалась в меньшинстве. Самообложение по решению схода вводилось и в большей своей части относилось на хозяйства состоятельных групп сельского населения. Удельный вес всех поступлений по само-

обложению для хозяйств региона устанавливался «в соответствии с их доходом и по сумме налога», но не должен был превышать 25% от суммы сельскохозяйственного налога [Лабузов 2004]. Очевидно, что самообложение фактически утратило статус добровольности. Свободы выбора – принять или не принять самообложение – у сельского общества уже не существовало. Это, на наш взгляд, означало усиление административного давления на земельные общества, централизацию средств в руках государственных органов. Применение командно-административных методов позволило в Уральской области в результате самообложения получить в 1928/29 гг. 7,3 млн рублей, из которых на народное образование было потрачено 3,1 млн рублей. Это составило примерно 10% всех ассигнований на просвещение из местного бюджета за данный период. Размер самообложения уральских деревень в 1929/30 гг. составил 3,5 млн рублей [ЦДОСО 1]. Этот показатель на Урале был выше среднего по областям страны. В целом по СССР отчисления от самообложения населения в 1928/29 гг. составили 3,4% к расходам на народное образование [Субботина 1965]. Если учесть, что бюджет на народное образование по Уральской области в 1929/30 гг. выражался в сумме 41,2 млн руб., то дополнительное финансирование за счет общественных организаций и населения в сумме 14 млн руб. за этот год составило 34,1% всех средств [ЦДОСО 2].

В конце 1920-х гг. новой формой привлечения общественной инициативы к материальной поддержке народного образования стало проведение культурного похода. По инициативе комсомольских органов осенью 1928 г. молодежь развернула широкую агитационную кампанию «за культуру». Общественность в ходе культпохода проводила субботники и воскресники по оборудованию учреждений культуры, в том числе и школ. Заработанные и собранные в результате культпохода средства передавались на содержание школьных учреждений. Например, в Невьянском районе Уральской области в результате субботника в пользу школы 28 ноября 1928 г. было заработано 126 руб. и собрано по подписным листам 24 руб. 55 коп. Эта сумма была передана местной школе [Гришанов 1982: 43]. Аналогичные мероприятия в помощь учебным заведениям проводились и в других районах области. Однако до введения закона о начальном всеобщем обучении в 1930 г. деятельность культармейцев и общественных организаций по оказанию материальной поддержки общеобразовательным школам широкого размаха не получила. В основном культпоход в 1928 и 1929 гг. был направлен на организацию ликвидации неграмотности взрослых, на изменение бытовых условий жизни населения.

Основным типом общеобразовательных школ в сельской местности, как уже было сказано, являлись школы I ступени. В 1923 г. школьная сеть начальных школ на Урале была представлена 4123 учреждениями (68,1% от числа учреждений 1920 г.). Из них 3464 шко-

лы были сельскими [ГАСО 1]. Начиная с этого времени количество общеобразовательных учреждений постепенно растёт и в 1928 г. в Уральской области на селе было 8455 школ, в том числе и начальных [РГАЭ 2]. Анализ источников показывает, что финансирование общеобразовательных школ и школ грамоты для взрослых на селе в 1920-е гг. зависело от того, в каком состоянии находилось парцеллярное сельскохозяйственное производство в тот или иной период этого десятилетия. Ведущим было государственное финансирование образовательных учреждений, но после перехода к новой экономической политике финансирование стало осуществляться преимущественно из средств местного бюджета, которых не хватало, и в условиях рыночных отношений определённое значение имело выделение средств на образование сельскими земельными обществами, в первую очередь, через систему самообложения крестьянских общин. Если до 1928 г. финансирование школ являлось добровольным начинанием среди крестьян, то в конце 1920-х гг. самообложение на нужды образования становится обязательным и дополнительным бременем для крестьянских хозяйств.

В 1923 г. Наркомпрос планировал проведение реформы всеобщего начального обучения, основываясь на принципе постепенности и учитывая материальные трудности, которые ощущались в первые годы НЭПа. 31 августа 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали декрет «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построения школьной сети», где был определен предельный срок для введения в РСФСР всеобща в объеме начальной школы – 1933/1934 гг., при соблюдении принципа добровольности, и только там, где есть необходимые материальные условия, бюджетное финансирование, квалифицированные кадры учителей и сеть школьных помещений [Народное образование в СССР: 105]. В постановлении СНК РСФСР от 22 апреля 1927 г. «О порядке введения всеобщего обязательного начального обучения в РСФСР» оговаривались условия для осуществления уже «обязательно всеобща» на отдельных территориях (где есть материальные возможности). Можно сказать, что планы всеобща были пересмотрены, так как в условиях начала индустриализации в стране проявились диспропорции в народном хозяйстве: потребность в квалифицированных кадрах росла, а существующая система образования не давала возможности их подготовить. Поэтому «растянутые» сроки введения всеобща стали восприниматься как ошибочные и в 1929 г. были пересмотрены. Программа всеобща приняла ускоренные темпы, принцип постепенности, характерный для первой половины 1920-х гг., был забыт, а статус «добровольности» перерос в «обязательность».

Уральский регион отставал в развитии школьного дела от других регионов страны. По итогам переписи 1926 г. грамотность населения Уральской области составила около 40%, а сельского – только 34,4%. [Показатели состояния народного образования на Урале 1928:

38]. До революции земства во многом способствовали формированию культуры образования среди населения. Неграмотное население постоянно увеличивалось из-за отсутствия всеобщего обязательного начального образования. В 1925/1926 учебном году по РСФСР охват детей 8-11 лет школьным обучением составлял 69,2%, а по Уралу – 47,2% [Подготовка введения всеобщего обучения на Урале 1927: 11; Уральское хозяйство в цифрах 1927: 44]. В 1929/1930 учебном году в сельской местности на Урале школу посещало 67% детей 8-11 лет, в городах и рабочих поселках – 90% [ЦДООСО 5; ЦДООСО 6].

Форсированные темпы индустриализации и коллективизации укрепили большевистское руководство в мысли о возможности ускорения и программы всеобуча. 25 июля 1930 г. ЦК ВКП (б) принимает Постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», в котором призвал необходимым ввести с 1930/31 г. повсеместное всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8-9-10 лет, с последующим распространением обязательности начального обучения для детей 11 лет в 1931/1932 учебном году. Всеобуч стал рассматриваться как важнейшая политическая кампания на ближайший период [Народное образование в СССР: 109]. Решением ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. оно было законодательно закреплено. Согласно этому постановлению повсеместно вводилось всеобщее обязательное обучение детей (мальчиков и девочек) в возрасте 8, 9 и 10 лет в объеме не менее 4-летнего курса начальной школы. Планировалось принять осенью 1930 г. в трудовую школу всех детей этих возрастов, которые до настоящего времени в школе не обучались.

На Урале IX областная партийная конференция и VII областной съезд Советов приняли директиву за один-два года осуществить эту программу. Это означало, что местные руководители решили ускорить и без того высокие темпы [Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома 1930: 356-357]. Постановление Президиума областного исполнительного комитета вводило с 1 октября 1930 г. обязательное обучение детей 8-11 лет на всей территории Уральской области, за исключением пяти северных районов [Там же]. Сельские и поселковые Советы обязаны были представить конкретные планы введения всеобуча.

Было очевидно, что в такие короткие сроки осуществить эту программу невозможно. Проблемы были общими: крайне ограниченное финансирование из центра, отсутствие необходимой материальной базы, школьных зданий, общежитий, квалифицированных учителей, и просто необходимой поддержки со стороны населения. Посадить за парты нужно было, прежде всего, деревенских детей, а в начале 1930-х гг. понимание потребности в их обучении среди сельских жителей еще не сложилось. Дети рассматривались как дополнительные работники в семье. «Дед пахал неграмотным, отец пахал неграмотным, для

чего дитя принуждать обучением?», – так рассуждали многие крестьяне. Шла коллективизация, и обязательный всеобуч воспринимался ими как часть насильственной политики государства по созданию колхозной системы.

В связи с этим, местные партийные и советские органы сначала попытались привлечь общественность для разъяснения необходимости всеобуча. Было понимание, что программа требует значительных материальных затрат, физических усилий. Нужно было склонить население к ее досрочной реализации. Формировались штабы по всеобучу и комитеты содействия. По выборочным данным, в 107 районах Уральской области было организовано на местах 549 комитетов и 1480 комиссий содействия [Просвещение на Урале 1930: 12]. Был создан общественный культактив. Активисты проводили собрания в колхозах и сельсоветах. Использовался опыт ликбеза «культурмейцев». В 1930 г. в Уральской области из членов профсоюзов просвещенцев, комсомольцев, колхозников была создана «культурная армия всеобуча». «Культурмейцы» занимались вопросами строительства и ремонта школ, комплектования учительскими кадрами, сбором средств в фонды всеобуча, помощи бедноте, обеспечением полного охвата всеобучем детей, вели разъяснительную работу с населением и др. [ЦДООСО 7]. Таким образом, программа всеобщего обязательного начального образования с самого начала воспринималась как «боевая задача», «невидимый фронт», а если это фронт, то значит должны быть «противники».

Достичь поставленные цели можно было лишь при мощной материальной поддержке со стороны государства и опережающего финансирования, прежде всего, из центра. Объявленные сроки введение всеобуча за 1-2 года были нереальными. Строительство индустриальных гигантов требовало огромных капиталовложений, поэтому ассигнования на культурно-социальные программы из центра сокращались и были недостаточными. В этих условиях финансирование всеобуча, как и в 1920-е гг., стало перекладываться на местные бюджеты, сельсоветы, общественные организации, колхозы, совхозы и МТС. Многие руководители-хозяйственники на местах не воспринимали «всеобуч» серьезно, программа казалась им совершенно авантюрной и менее важной, чем хозяйственные задачи. Так, Ордынский райисполком включал вопрос о всеобуче в повестку дня на 39 заседаниях. А потом и совсем снял. Подобные настроения отмечались повсеместно [ЦДООСО 8]. Однако директивы и указания должны были выполняться любой ценой, независимо от материальных возможностей. За невыполнение решений о всеобуче многие работники отделов образования получали административные взыскания. Так, инспектор Нильского райисполкома, открыто защищавший свое мнение о невозможности введения всеобуча, был снят с работы, другим заведующим районных комитетов Тюменского округа были объявлены выговоры [Там же]. Отсутствие матери-

альных возможностей в качестве аргументов не принималось, а объявлялось «оппортунизмом».

Для расширения финансирования школ партийные органы стали требовать выделения средств от промышленных предприятий, общественных и хозяйственных организаций. В целом по стране в 1930 г. в связи с введением начального всеобщего ВЦСПС выделил для школ 22 млн руб., Колхозцентр – 10 млн руб., Центросоюз – 16 млн руб. [Миттов 1957: 8]. Это была значительная помощь. В результате административного давления в Уральской области в 1929/1930 учебном году отчисления от промышленных предприятий на проведение всеобщего составили 5,5 млн руб., помощь профсоюзов, комсомольских и кооперативных организаций – 5 млн руб. [Гришанов 1982: 96]. Отчисления от самообложения крестьянских хозяйств продолжали играть существенную роль [ЦДООСО 9]. Всего же в СССР в 1928/1929 учебном году внебюджетные источники финансирования массового просвещения составляли 17,5%, в 1929/1930 – 20,7%, в 1931 г. – 22,7% , а в 1932 учебном году – 29,0% [Гришанов 1982: 21; Каштанов 1933: 69]. Увеличение внебюджетного финансирования свидетельствует о том, что без помощи населения охватить всеобщим детей в короткие сроки было невозможно.

Для того чтобы большинство детей сели за парты, надо было создать необходимые условия. Особенно нуждались в материальной поддержке дети из бедных семей. Для оказания помощи бедноте на Урале создается специальный фонд – Комитет содействия (для сбора средств в фонды бедноты). В 1929/1930 г. он составил 570 тыс. руб., из них средств общественности – 365,7 руб. [ГАСО 4; Просвещение на Урале 1930: 78-79]. Но возможности фонда были очень скромными, и лишь 2,8% детей крестьянской бедноты могли получить такую помощь [Там же].

На Пленуме Уралоблисполкома 8-го созыва, проходившем 25-27 марта 1932 г., было принято Постановление «О местном бюджете Уральской области на 1932 г.». В нем отмечалось, что размер областного бюджета на 1932 г. достиг 247,5 млн руб., увеличившись на 32% по сравнению с 1931 г. Бюджет предусматривал выполнение директив партии и правительства в области «улучшения культурно-бытового обслуживания широких рабочих и колхозных масс. Большая часть финансовых ресурсов направлялась на мероприятия культурно-социального (57,7%) и культурно-производственного (29,4%) характера при снижении удельного веса административной группы расходов с 9,2 до 7,5%. Бюджет предусматривал увеличение численности учащихся начальных школ с 807 тыс. обучавшихся в 1931 г. до 852 тыс. в 1932 г.; введение обязательного семилетнего обучения в городах, рабочих поселках и в ряде районов сплошной коллективизации с одновременным расширением контингента учащихся повышенных школ с 130 тыс. в 1931 г. до

220 тыс. в 1932 г.; повышением заработной платы работникам образования на 20% в среднем по области [Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралобл-исполкома 1932: 232].

В областной бюджет поступило средств от населения 10 млн 94 тыс. руб., а предполагаемые расходы на народное образование составляли 15 млн руб. [Там же]. Таким образом, согласно уральскому областному бюджету, в 1932 г. просвещение на 65 % должно было финансироваться за счет населения. В условиях коллективизации и голода 1932-1933 гг., когда наблюдалось катастрофическое снижение жизненного уровня, эти расходы были дополнительными финансовыми тяготами для населения.

Несмотря на то, что на первый взгляд, расходы на одного ученика увеличились с 28 руб. 40 коп. в 1928/1929 учебном году до 42 руб. 44 коп. в 1933 г. или на 49, 5 % [Там же], в условиях инфляции первой половины 1930-х гг. этот рост был незначительным. Цены в государственной и кооперативной торговле за первую пятилетку выросли в 1,3 и 8 раз. [Постников: 107]. Нужно учитывать и тот факт, что на сельские школы средств выделялось намного меньше, чем на городские.

Кроме материальных проблем при введении обязательного всеобщего обучения в начале 1930-х гг., партийно-государственное руководство столкнулось в сельской местности и с нежеланием крестьян обучать своих детей в школах. Часть родителей отказывалась материально помогать школе, многие при удобном случае забирали детей из школы. В деревне Еловка, например, крестьяне в 1929 г. отказывались выделять деньги на постройку школы. «Разориться, что ли из-за этой школы?» – так рассуждали крестьяне [Просвещение на Урале 1929: 55-56]. Мешали и религиозные убеждения. Особенно это касалось старообрядческих семей [ЦДООСО 10]. Нельзя не согласиться с историком Ш. Фицпатрик, что многие крестьяне воспринимали всеобщее обучение как такой же элемент государственного принуждения, каким для них была коллективизация [Фицпатрик 2002: 252].

Любая реформа не терпит «торопливости». И хотя методы осуществления всеобщего обучения в начале 1930-х гг. были самыми разнообразными, но желание ускорить этот процесс привело к использованию методов принуждения. Эта установка получила на Урале официальный статус в постановлениях партийно-государственных органов. Наряду с развертыванием широкой массовой разъяснительной работы среди родителей о значении всеобщего (подворный обход, проведение собраний с родителями и др.), стали применяться и методы устрашения, административных взысканий, штрафов, показательных судов, досок «позора» и т. д., т. е. методы, широко применявшиеся в хозяйственных мероприятиях. Родителей, которые не успевали к положенному сроку записать детей в школу, штрафовали, причем, если в 1930 г. в сельской местности на

Урале штраф составлял 10 руб. или 5 дней принудительных работ, то уже в 1932 г. штраф был увеличен до 50 руб., а принудительные работы до 14 дней [Официальный сборник важнейших документов: 613].

«Ускорение темпов» наблюдалось во всем. Сроки записи детей в школу в сельской местности были ограничены всего 10 днями – с 5 по 16 июля, т. е. в разгар летнего полевого сезона, когда многие крестьяне и ночевали-то в поле. Заведующий УралОно И. А. Перель в статье «Очередные задачи культурного строительства на Урале», опубликованной в журнале «Просвещение на Урале», прямо говорил, что бороться за посещаемость детей нужно не только методами убеждения, но и принуждения [Просвещение на Урале 1931: 53]. Нарушение Закона о всеобщем стало восприниматься как злостное преступление.

Решить проблему всеобщего обязательного начального обучения нельзя было без расширения школьной сети. Учебных площадей катастрофически не хватало. В 1920-е гг. новые школьные здания практически не строили. Площади классных и школьных помещений не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам. Всего в Уральской области в 1930/31 учебном году необходимо было открыть 15573 комплекта школ, в том числе 14640 школ I ступени. По выборочным данным, в 107 районах области вместо 8553 необходимых школьных зданий на 1 сентября было только 2194 [Просвещение на Урале 1930: 12].

Средств на строительство и ремонт зданий выделялось недостаточно. Надо отдать должное, что в начале 1930-х гг. этот вопрос, как и другие, связанные с всеобщем, очень активно обсуждался в периодической печати. Так, в статье «За всеобщее обязательное обучение», опубликованной в местном журнале «Просвещение на Урале» (автор А. Скопобогатов) в 1930 г., говорилось о том, что на предстоящие три года пятилетки на школьное строительство требовалось примерно 50 млн руб. И это по самым грубым подсчетам. Местный бюджет и областная ссуда могли дать 8-10 млн руб. Около 5-10 млн руб. составляли ассигнования из центра и уральской промышленности [Просвещение на Урале 1930: 49]. Поэтому предлагалось привлекать средства общественности, временно отказаться от типовых построек, шире использовать кулацкие дома, здания закрываемых церквей, а достройку осуществлять на средства населения [ЦДООСО 11]. Но даже выделенные средства на строительство школ не всегда шли по назначению. Покупали скот, технику, т.е. деньги тратили на то, что считалось более важным, значимым. Поэтому расширение школьной сети в начале 1930-х гг. в основном шло за счет приспособления уже имеющихся помещений под школы и освобождения школьных зданий, занятых не по назначению. В 1932 г. было освобождено по Уральской области под школы 75, а в 1933 г. 40 зданий [Там же]. Для увеличения числа школьных зданий в сельской местности широко применялась практика выселения «кулаков», что законодательно было закреплено в Постановлении СНК РСФСР от 11 июля 1930 г.

«Об использовании для школ и дошкольных учреждений конфискованных у кулачества домов». В результате, по выборочным данным, в 124 районах Уральской области под школы в 1931 г. было передано 1543 кулацких дома, в 110 районах организовано 879 общежитий [Просвещение на Урале 1931: 15].

Школьное строительство находилось в стадии зарождения. Отремонтировать старые здания было непросто. Трудно достать гвозди, известь, краску. На совещании Уралобкома ВКП (б) по вопросу «О состоянии подготовки к всеобщему обучению» 19 августа 1930 г. рекомендовалось в «административном порядке собрать по 2-3 гвоздя с каждого колхозника, не ждать гвоздей из центра, а вырывать их из старых заборов и ремонтировать школу [ЦДООСО 11]. Случаи, на первый взгляд, комичные, но отражали реальную картину. По данным статистики за 1928-1933 гг., на Урале увеличение числа классных комнат за счет вновь построенных зданий составило 26,9%, возвращение школ – 2,9%, а приспособление помещений под школы – 70,7% [На фронте всеобуча 1931: 33; ЦДООСО 12].

Главной задачей всеобщего обязательного начального обучения являлся охват детей учебой на протяжении всего курса начальной школы (1 ступени). Но отсев детей из школ, особенно в сельской местности из-за отсутствия обуви и одежды был значительный. Часто одна пара обуви на всю семью заставляла сидеть дома детей из бедных семей. Поэтому отсев детей из-за материальных трудностей в сельской местности составлял 8-10% в 1932/1933 учебном году [Культфронт Урала 1933: 5]. Детей, записавшихся в школу до начала зимнего сезона, считали охваченными всеобучем. В 1932/1933 учебном году, когда официальные источники сообщали о практически стопроцентном охвате детей школой, до 25% детей учебу бросали недоучившись (Троицкий, Варненский и др. районы), а на четвертом году обучения отсев составлял до 40% [ЦДООСО 13]. Дети в школе числились, но фактически в ней не обучались. В условиях голода 1932-1933 гг. ослабленный детский организм был еще больше подвержен простудным и инфекционным заболеваниям, чем ранее. Материальной помощи на всех не хватало. С другой стороны, именно в школе выдавали хотя бы какой-то завтрак (кусоч хлеба и стакан кипятка), поэтому многие родители отправляли детей в школы только ради этого скудного питания. По данным Ураломо, в 1930/1931 учебном году «горячие завтраки» для детей были введены в 80,8% сельских школ и в 93,1% городских [ЦДООСО 14]. В целом же в уральских начальных школах количество учащихся в 1929/1930 учебном году увеличилось по сравнению с 1925/1926 учебным годом на 44,3 % [ГАСО 5]. И это, конечно, можно оценивать как определенную «победу на фронте всеобуча».

В отчетах Ураломо указывалось, что на Урале уже в 1930/1931 учебном году в основном введено всеобщее начальное обу-

чение. Вместо 613,5 тыс. человек охват составил 693,0 тыс. детей, причем 94,8% – это дети 8-11 лет, а 82% – «дети-переростки», которым к началу введения всеобща было более 11 лет [ГАСО 6]. В 1931/1932 учебном году по статистическим данным, представленным Уралом, 98,3% (767380 учащихся), а в 1932/1933 учебном году 97,1% (819 800 учащихся) было охвачено всеобщем [Гришанов 1982: 75].

Для сравнения результатов всеобщего обязательного начального обучения можно воспользоваться данными за 1914/1915 учебный год, когда в Российской империи всего было 105524 школы, в том числе начальных – 101917, с общим числом учащихся 7896249, в том числе в начальных школах – 7030257. В 1933/1934 учебном году в СССР действовало 166 468 школ, из них начальных – 133883, в них обучалось 22095744 учащихся, в том числе в начальной школе – 11809776 детей. [Всеобщее обучение]. Результаты впечатляют.

Вряд ли можно говорить о том, что уже в начале 1930-х гг. на Урале программа всеобщего начального обязательного образования была полностью завершена. Уральский историк В. В. Зиянев в статье «Введение всеобща и реформа школы в годы первых пятилеток на Южном Урале» пишет, что в Челябинской области среднеобластной охват детей школой вырос с 59,3% до 97,6% в 1931 г. [Зиянев 2012]. Можно говорить о значительных результатах программы начального обязательного всеобща лишь к 1934/1935 учебному году [Там же]. Но даже во второй половине 1930-х гг., когда бюджетное финансирование школ значительно увеличивается, «недоохват» детей всеобщем наблюдался.

Таким образом, программа введения всеобща не была спонтанной. Ее долго планировали и обсуждали, на протяжении 1920-х гг. осуществлялись различные подготовительные мероприятия, что подтверждают директивы и постановления советского руководства. В 1920-е гг. наблюдалось использование средств населения для школы через самообложение, что часто саботировалось участниками общины. Соблюдался принцип постепенного, а не «поголовного» охвата детей школой. Но в условиях осуществления форсированной экономической модернизации средств и ресурсов для окончательного «рывка» во всеобщ не хватало, поэтому административное государственное давление на население стало усиливаться.

Ввести всеобщ за два года на Урале, как планировалось на IX Уральской партийной конференции в 1930 г., конечно не смогли, однако введение всеобща в первой половине 1930-х гг. – это не «миф», а основанная на трудностях и лишениях реальность. Нельзя относиться к результатам ликбеза и «всеобща» только с точки зрения «голой цифры». «Всеобщ» имеет свои «лица» – это миллионы советских граждан, наши деды и родители, которые действительно сели за парты в 1930-е гг. и получили законодательное основание для реализации следующего этапа образования.

Советский исследователь П. В. Гришанов отмечал в своих работах, что введение всеобуча явилось результатом возросших финансовых возможностей социалистического хозяйства, а партийные организации Урала и органы Советской власти создали необходимые условия для успешного осуществления начального всеобуча [Гришанов 1979]. Однако стоит развеять «мифы». Анализ источников показывает, что государственных возможностей для проведения столь масштабной программы было недостаточно, и в 1920-е гг. – первые годы 1930-х гг. продолжали привлекать средства населения, общественных организаций, отчисления от субботников и т.д. для решения этой задачи. Сжатые сроки образовательных программ были перенесены на человеческие ресурсы как на основной механизм «Великого перелома», когда любая программа, в том числе культурно-образовательная, воспринималась советским человеком как «фронт», на котором обязательно нужно победить.

Список источников и литературы

- Бахтина, Попов 2019** – Бахтина И. Л., Попов М. В. Проблемы финансирования сельских общеобразовательных школ и деревенских школ грамоты для взрослых в 1920-е годы (на примере Урала) // Педагогическое образование в России. 2019. № 1. С. 6-18.
- Бразоль** – Бразоль Б. Л. Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах 1894-1917 гг. URL: <https://newsland.com/community/12/content/b-l-brazol-tsarstvovanie-imperatora-nikolaia-ii-v-tsifrax-i-faktax-1894-1917-gg/1322362> (дата обращения: 12.05.2019).
- Волков 1986** – Волков С. М. Деятельность Уральской областной партийной организации по ликвидации неграмотности взрослых, развитию материальной базы общеобразовательной школы и подготовке учительских кадров (1928-1932): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1986.
- Всеобщее обучение** – Всеобщее обучение. URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s00/e0000412/index.shtml> (дата обращения: 14.05.2019).
- ГАПК 1** – Государственный архив Пермского края. Ф. 19. Оп. 1. Д. 984. Л. 957.
- ГАПК 2** – Государственный архив Пермского края. Ф. 23. Оп. 1. Д. 67. Л. 94.
- ГАПК 3** – Государственный архив Пермского края. Ф. 23. Оп. 1. Д. 67. Л. 94. Л. 6.
- ГАРФ 1** – Государственный архив Российской Федерации. Ф.2314. Оп. 8. Д. 50. Л.5.
- ГАСО 1** – Государственный архив Свердловской области. Ф. 233. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.

- ГАСО 2** – Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1412. Л. 35.
- ГАСО 3** – Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1415. Л. 36.
- ГАСО 4** – Государственный архив Свердловской области. Ф. 283. Оп.1. Д.1800. Л.24.
- Гришанов 1978** – Гришанов П. В. Деятельность партийной организации Урала и Западной Сибири по укреплению финансово-материальной базы общеобразовательной школы в 1926-1941годах. Свердловск, 1978.
- Гришанов 1979** – Гришанов П. В. Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по осуществлению всеобщего обязательного обучения в годы строительства социализма. Свердловск, 1979.
- Гришанов 1982** – Гришанов П. В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926–1937гг.). Челябинск, 1982.
- Загребин 1994** – Загребин С. С. Метаморфозы культуры. Культурное строительство на Южном Урале в 1929-1941 гг. Челябинск, 1994.
- Зияянев 2012** – Зияянев В. В. Введение всеобуча и реформа школы в годы первых пятилеток на Южном Урале // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2012. № 1 (7). URL: <https://readera.ru/vvedenie-vseobucha-i-reforma-shkolyy-v-gody-pervykh-pyatiletok-na-juzhnom-urale-14331358> (дата обращения: 28.04.2019).
- Известия ЦК РКП(б). 1921** – Известия ЦК РКП(б). 1921. № 35. С. 14.
- Каштанов 1933** – Каштанов Т. Выполнение первой пятилетки и основные вопросы по финансированию массового просвещения во второй пятилетке. // Коммунистическое просвещение. 1933. № 1.
- Королев, Корнейчик, Равкин 1961** – Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики (1921-1931 гг.). М., 1961. С. 50.
- Культфронт Урала 1933** – Культфронт Урала. 1933. № 4.
- Лабузов 2004** – Лабузов В. А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917-1932). Оренбург, 2004. С. 441.
- Миттов 1957** – Миттов Н. К. Всеобщее обязательное семилетнее обучение в РСФСР в 1930-1941 гг. // Ученые записки Мичуринского пединститута. Тамбов. Тамбовская правда. 1957. Вып. 2. С. 8.
- Народное образование в СССР 1974** – Народное образование в СССР. Сборник документов 1917-1973 гг. 1974. М., 1974. С. 105.
- Народное образование, наука, культура в СССР 1971** – Народное образование, наука, культура в СССР: стат. сб. М., 1971.

- На фронте всеобща 1931** – На фронте всеобща. Свердловск. 1931. С. 33.
- О введении всеобщего начального обучения в Российской империи** – О введении всеобщего начального обучения в Российской империи. Документы XX века. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/1638#134> (дата обращения: 02.08.2019).
- ОГАЧО 1** – Объединённый государственный архив Челябинской области. Ф. 106. Оп. 1. Д. 165. Л. 811.
- ОГАЧО 2** – Объединённый государственный архив Челябинской области. Ф. 138. Оп. 1. Д. 65. Л. 374.
- ОГАЧО 3** – Объединённый государственный архив Челябинской области. Ф. 77. Оп. 1. Д. 370. Л. 129.
- Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома 1930** – Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. Свердловск, 1930. № 28-29. С. 356-358.
- Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома 1932** – Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. Свердловск, 1932. № 18. С. 232.
- Подготовка введения всеобщего обучения на Урале 1927** – Подготовка введения всеобщего обучения на Урале. Свердловск: Ураллоно, 1927.
- Показатели состояния народного образования на Урале 1928** – Показатели состояния народного образования на Урале. Свердловск, 1928.
- Просвещение на Урале 1927** – Просвещение на Урале 1927. № 2. С. 1.
- Просвещение на Урале 1929** – Просвещение на Урале 1929. № 1. С. 55-56.
- Просвещение на Урале 1930** – Просвещение на Урале 1930. № 9. С. 12; № 1-2. С. 49.
- Просвещение на Урале 1931** – Просвещение на Урале 1931. № 1-2. С. 53; № 3-4. С. 15.
- Полное собрание Законов Российской империи** – Полное собрание Законов Российской империи. Собрание узаконений. 1908. Отдел I. № 73. Ст. 447. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.ph...85®im=3 (дата обращения: 12.05.2019).
- Попов 1997** – Попов М. В. Культура и быт крестьян Урала в 1920-1941 гг. Екатеринбург, 1997.
- РГАЭ 1** – Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 349. Л. 7.

- РГАЭ 2** – Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 798. Л. 30.
- Сафронова 2002** – Сафронова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII-XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002. С. 72.
- Социалистическое строительство 1932** – Социалистическое строительство на Урале за 15 лет. Свердловск, 1932. С. 8.
- Субботина 1965** – Субботина К. И. Народное образование и бюджет. М., 1965. С. 43.
- Суворов, Протасова 2019** – Суворов М. В., Протасова Э. Е. Сталинская модернизация и материально-правовое положение уральского учительства в первой половине 1930-х гг. // Педагогическое образование в России. 2019. № 4. С. 6-15.
- Уральский рабочий. 1922** – Уральский рабочий. 1922. 10 февраля.
- Уральское хозяйство в цифрах 1927** – Уральское хозяйство в цифрах. 1927. С. 44.
- Фицпатрик 2002** – Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. М., 2002.
- Фролов, Володин 2014** – Фролов И. В., Володин А. М. Становление всеобщего начального образования сельских школьников с 1917 по 1934 годы – истоки современных взглядов на сельскую школу // Фундаментальные исследования. 2014. № 12-8. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36438> (дата обращения: 29.04.2019).
- ЦДООСО 1** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 7. Д. 395. Л. 9.
- ЦДООСО 2** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1065. Л. 136.
- ЦДООСО 3** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 2. Д. 522. Л. 109.
- ЦДООСО 4** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 2. Д. 526. Л. 35.
- ЦДООСО 5** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 8. Д. 667. Л. 298.
- ЦДООСО 6** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Оп. 11. Д. 1227. Л. 35.
- ЦДООСО 7** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 8. Д. 27. Л. 68.
- ЦДООСО8** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 8. Д. 666. Л. 112-113.
- ЦДООСО 9** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1065. Л. 136.
- ЦДООСО 10** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 8. Д. 688. Л. 118.

- ЦДООСО 11** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 8. Д. 110. Л. 61.
- ЦДООСО 12** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 11. Д. 1228. Л. 4.
- ЦДООСО 13** – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 8. Д. 35. Л. 30.
- ЦДООСО 14** – Центр документации общественных организаций Свердловской области Ф. 4. Оп. 11. Д. 1227. Л. 34.
- Чуфаров 1970** – Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции в 1920-1937 гг. Свердловск, 1970. С. 61.
- Юинг 2011** – Юинг Т. Е. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы в 1930-х гг. М., 2011.

References

- Bahtina, Popov 2019** – Bahtina I. L., Popov M. V. Problemy finansirovaniya sel'skikh obshcheobrazovatel'nyh shkol i derevenskikh shkol gramoty dlya vzroslyh v 1920-e gody (na primere Urala) // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2019. № 1. S. 6-18.
- Brazol'** – Brazol' B.L. Carstvovanie Imperatora Nikolaya II v cifrah i faktah (1894-1917 gg.) URL: <https://newsland.com/community/12/content/b-l-brazol-tsarstvovanie-imperatora-nikolaia-ii-v-tsifrakh-i-faktakh-1894-1917-gg/1322362> (accessed: 12.05.2019).
- CDOOSO 1** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 7. D. 395. L. 9.
- CDOOSO 10** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 8. D. 688. L. 118.
- CDOOSO 11** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 8. D. 110. L. 61.
- CDOOSO 12** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 11. D. 1228. L. 4.
- CDOOSO 13** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 8. D. 35. L. 30.
- CDOOSO 14** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti F. 4. Op. 11. D. 1227. L. 34.
- CDOOSO 2** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 9. D. 1065. L. 136.
- CDOOSO 3** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 2. D. 522. L. 109.
- CDOOSO 4** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 2. D. 526. L. 35.
- CDOOSO 5** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 8. D. 667. L. 298.

- CDOOSO 6** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. Op. 11. D. 1227. L. 35.
- CDOOSO 7** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 8. D. 27. L. 68.
- CDOOSO 9** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 9. D. 1065. L. 136.
- CDOOSO 8** – Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti. F. 4. Op. 8. D. 666. L. 112-113.
- CHufarov 1970** – Chufarov V. G. Deyatel'nost' partijnyh organizacij Urala po osushchestvleniyu kul'turnoj revolyucii v 1920-1937 gg. Sverdlovsk, 1970. S. 61.
- Ficpatrik 2002** – Ficpatrik S. H. Stalinskie krest'yane. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 1930-e gody: derevnya. M., 2002.
- Frolov, Volodin 2014** – Frolov I. V., Volodin A. M. Stanovlenie vseobshchego nachal'nogo obrazovaniya sel'skih shkol'nikov s 1917 po 1934 gody – istoki sovremennyh vzglyadov na sel'skuyu shkolu // Fundamental'nye issledovaniya. 2014. № 12-8. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36438> (accessed: 29.04.2019).
- GAPK 1** – Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja. F. 19. Op. 1. D. 984. L. 957.
- GAPK 2** – Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja. F. 23. Op. 1. D. 67. L. 94.
- GAPK 3** – Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja. F. 23. Op. 1. D. 67. L. 94. L. 6.
- GARF 1** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii. F. 2314. Op. 8. D. 50. L. 5.
- GASO 1** – Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti. F. 233. Op. 1. D. 29. L. 6.
- GASO 2** – Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti. F. R-88. Op. 1. D. 1412. L. 35.
- GASO 3** – Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti. F. R-88. Op. 1. D. 1415. L. 36.
- GASO 4** – Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti. F. 283. Op. 1. D. 1800. L. 24.
- Grishanov 1978** – Grishanov P.V. Deyatel'nost' partijnoj organizacii Urala i Zapadnoj Sibiri po ukrepleniyu finansovo-material'noj bazy obshcheobrazovatel'noj shkoly v 1926-1941 godah. Sverdlovsk, 1978.
- Grishanov 1979** – Grishanov P. V. Deyatel'nost' partijnyh organizacij Urala i Zapadnoj Sibiri po osushchestvleniyu vseobshchego obyazatel'nogo obucheniya v gody stroitel'stva socializma. Sverdlovsk, 1979.
- Grishanov 1982** – Grishanov P. V. Shkol'nyj vseobuch na Urale v usloviyah stroitel'stva socializma (1926-1937gg.). Chelyabinsk, 1982.
- Izvestiya CK RKP(b) 1921** – Izvestiya CK RKP(b). 1921. № 35. S. 14.

- Kashtanov 1933** – Kashtanov T. Vypolnenie pervoj pyatiletki i os-novnye voprosy po finansirovaniyu massovogo prosveshcheniya vo vtoroj pyatiletke // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1933. № 1.
- Korolev, Kornejchik, Ravkin 1961** – Korolev F. F., Kornejchik T. D., Ravkin Z. I. Ocherki po istorii sovetskoj shkoly i pedagogiki (1921-1931 gg.). M., 1961. S. 50.
- Kul'tfront Urala 1933** – Kul'tfront Urala. 1933. № 4.
- Labuzov 2004** – Labuzov V. A. Agrarnye otnosheniya na YUzhnom Urale v pervye desyatiletija Sovetskoj vlasti (1917-1932). Orenburg, 2004. S. 441.
- Mittov 1957** – Mittov N. K. Vseobshchee obyazatel'noe semiletnee obuchenie v RSFSR v 1930-1941 gg. // Uchenye zapiski Michurinskogo pedinstituta. Tambov. Tambovskaya pravda. 1957. Vyp. 2. S. 8.
- Na fronte vseobucha 1931** – Na fronte vseobucha. Sverdlovsk. 1931. S. 33.
- Narodnoe obrazovanie v SSSR 1974** – Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. 1974. M., 1974. S. 105.
- Narodnoe obrazovanie, nauka, kul'tura v SSSR 1971** – Narodnoe obrazovanie, nauka, kul'tura v SSSR: stat. sb. M., 1971.
- O vvedenii vseobshchego nachal'nogo obucheniya v Rossijskoj imperii** – O vvedenii vseobshchego nachal'nogo obucheniya v Rossijskoj imperii. Dokumenty XX veka. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/1638#134> (accessed: 02.08.2019).
- Oficial'nyj sbornik vazhnejshih zakonov pravitel'stva, postanovlenij i rasporyazhenij Uraloblispolkoma 1930** – Oficial'nyj sbornik vazhnejshih zakonov pravitel'stva, postanovlenij i rasporyazhenij Uraloblispolkoma. Sverdlovsk, 1930. № 28-29. S. 356-358.
- Oficial'nyj sbornik vazhnejshih zakonov pravitel'stva, postanovlenij i rasporyazhenij Uraloblispolkoma 1932** – Oficial'nyj sbornik vazhnejshih zakonov pravitel'stva, postanovlenij i rasporyazhenij Uraloblispolkoma. Sverdlovsk, 1932. № 18. S. 232.
- OGACHO 1** – Ob"edinyonnyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoj oblasti. F. 106. Op. 1. D. 165. L. 811.
- OGACHO 2** – Ob"edinyonnyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoj oblasti. F. 138. Op. 1. D. 65. L. 374.
- OGACHO 3** – Ob"edinyonnyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoj oblasti. F. 77. Op. 1. D. 370. L. 129.
- Podgotovka vvedeniya vseobshchego obucheniya na Urale 1927** – Podgotovka vvedeniya vseobshchego obucheniya na Urale. Sverdlovsk: Uralono, 1927.
- Pokazateli sostoyaniya narodnogo obrazovaniya na Urale 1928** – Pokazateli sostoyaniya narodnogo obrazovaniya na Urale. Sverdlovsk, 1928.
- Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoj imperii 1908** – Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie uzakonenij. 1908. Otdel I.

- № 73. St. 447. URL: [http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.ph ...85@im=3](http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.ph...85@im=3) (accessed: 12.05.2019).
- Popov 1997** – Popov M.V. Kul'tura i byt krest'yan Urala v 1920-1941 gg. Ekaterinburg, 1997.
- Prosveshchenie na Urale 1927** – Prosveshchenie na Urale 1927. № 2. S. 1.
- Prosveshchenie na Urale 1929** – Prosveshchenie na Urale 1929. № 1. S. 55-56.
- Prosveshchenie na Urale 1930** – Prosveshchenie na Urale 1930. № 9. S. 12; № 1-2. S. 49.
- Prosveshchenie na Urale 1931** – Prosveshchenie na Urale 1931. №1-2. S. 53; № 3-4. S. 15.
- RGAE 1** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki. F. 1562. Op. 17. D. 349. L. 7.
- RGAE 2** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki. F. 1562. Op. 17. D. 798. L. 30.
- Safronova 2002** – Safronova A.M. Sel'skaya shkola na Urale v XVIII-XIX vv. i rasprostranenie gramotnosti sredi krest'yan. Ekaterinburg, 2002. S. 72.
- Socialisticheskoe stroitel'stvo 1932** – Socialisticheskoe stroitel'stvo na Urale za 15 let. Sverdlovsk. 1932. S. 8.
- Subbotina 1965** – Subbotina K.I. Narodnoe obrazovanie i byudzhzet. M., 1965. S. 43.
- Suvorov, Protasova 2019** – Suvorov M. V., Protasova E. E. Stalinskaya modernizaciya i material'no-pravovoe polozhenie ural'skogo uchitel'stva v pervoj polovine 1930-h gg.// Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2019. № 4. S. 6-15.
- Ural'skij rabochij 1922** – Ural'skij rabochij. 1922. 10 fevralya.
- Ural'skoe hozyajstvo v cifrah 1927** – Ural'skoe hozyajstvo v cifrah. 1927. S. 44.
- Volkov 1986** – Volkov S. M. Deyatel'nost' Ural'skoj oblastnoj par-tijnoj organizacii po likvidacii negramotnosti vzroslyh, razvitiyu material'noj bazy obshcheobrazovatel'noj shkoly i podgotovke uchitel'skih kadrov (1928-1932): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Perm', 1986.
- Vseobshchee obuchenie** – Vseobshchee obuchenie. URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s00/e0000412/index.shtml> (accessed: 14.05.2019).
- Yuing 2011** – Yuing T. E. Uchitelya epohi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly v 1930-h gg. M.2011.
- Zagrebin 1994** – Zagrebin S. S. Metamorfozy kul'tury. Kul'turnoe stroitel'stvo na YUzhnom Urale v 1929-1941 gg. Chelyabinsk, 1994.
- Zilyanov 2012** – Zilyanov V. V. Vvedenie vseobucha i reforma shkoly v gody pervyh pyatiletok na YUzhnom Urale // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo professional'nogo instituta, 2012. № 1 (7). URL: <https://readera.ru/vvedenie-vseobucha-i-reforma-shkoly-v-gody-pervyh-pyatiletok-na-juzhnom-urale-14331358> (accessed: 28.04. 2019).